

Лекция А. В. Луначарского о Тургеневе

Русская литература, N 4, 1961.

[OCR Бычков М.Н.](#)

Публикуемый материал представляет собой стенограмму лекции из курса истории русской литературы, который А. В. Луначарский читал в Коммунистическом университете им. Свердлова в 1924-1926 годах. В отличие от прочитанного несколько ранее (1923--1924) и полностью опубликованного курса истории западноевропейской литературы {А. В. Луначарский. История западноевропейской литературы в ее важнейших моментах. ГИЗ, М., 1924.} из данного курса были напечатаны лишь отдельные лекции. {В частности, о Пушкине ("Комсомольская правда", 1927, NoNo 36, 48, 54), о Льве Толстом ("Комсомольская правда", 1926, No 299 и 1927, NoNo 1, 7, 13), о литературе 60-х годов (А. В. Луначарский. Статьи о литературе. Гослитиздат, М., 1957).}

Лекция А. В. Луначарского, в которой дается характеристика первой половины творческого пути И. С. Тургенева, является серьезным вкладом в изучение великого русского писателя. Особую значительность эта лекция приобретает в свете длительной борьбы вокруг творчества Тургенева, развернувшейся в 20-е и 30-е годы.

Луначарский выступал как против формалистов, пытавшихся рассматривать творчество писателя в полном отрыве от его идейных исканий, так и против вульгарных социологов, видевших в Тургеневе лишь представителя дворянства и искусственно ограничивавших проблематику творчества писателя рамками его класса.

В трактовке творчества Тургенева Луначарский исходил из своей историко-литературной концепции, рассматривавшей наиболее честных русских писателей как чуткую совесть угнетенного народа.

Луначарский характеризует Тургенева как отщепенца, как одного из тех крупнейших дворянских писателей, которые, в той или иной степени отходя от своего класса, становились частично, а порой и преимущественно интеллигентами. Отход от дворянства позволил Тургеневу яснее увидеть исчерпанность роли его собственного класса и показать это в образах наиболее положительных его представителей, таких, как Рудин и Лаврецкий.

В связи с широтой социальных исканий Тургенева Луначарский подробно рассматривает проблему положительного героя в его творчестве. Первым общественным героем Тургенева, по Луначарскому, был выведенный в "Записках охотника" русский мужик, с его могучими возможностями, но не представлявший тогда активной силы.

Обратившись к лучшим людям из дворян, Тургенев глубоко изучает кардинальную проблему их существования, охарактеризованную Луначарским как "проблема Гамлета", т. е. неспособность воплотить свое возмущение существующим положением в решительное действие.

Если герой романа "Рудин" понимался М. К. Клеманом как "холодный и самоуспокоенный фразер и трус", {М. К. Клеман. Иван Сергеевич Тургенев. ГИХЛ, Л., 1936, стр. 82.} а П. С. Коганом "как самое яркое воплощение типа "лишнего человека"", {П. С. Коган. Очерки по истории новейшей русской литературы, т. 2, М.-Л., 1926, стр. 39.} то Луначарский рассматривая Рудина как продолжение Онегина, Печорина, Бельтова, в то же время видит в нем такое новое качество, которое, по выражению критика, делает Рудина "почти что не лишним". Это качество -- аккумуляция максимума возможностей революционности его времени, хотя и проявляющейся только в пробуждении окружающих словом.

Вспомним слова В. И. Ленина, писавшего о подобной пропаганде в некоторые исторические периоды: "Вульгарный революционаризм не понимает того, что слово тоже есть дело; это положение бесспорное для приложения к истории *вообще* или к тем эпохам истории, когда открытого политического выступления масс нет, а его никакие путчи не заменят и искусственно не вызовут". {В. И. Ленин, Сочинения, т. 9, стр. 53.}

Луначарский понимает образ Рудина как своеобразную грань в эволюции "лишнего человека", знаменующую попытку перехода к революционному действию.

Интересна оценка, даваемая в лекции "Дворянскому гнезду". Луначарский рассматривает этот роман как последнюю попытку Тургенева художественно исследовать возможности дворянства, попытку, закончившуюся констатацией окончательного отсутствия внутренних сил даже у лучших людей класса.

Правда, вызывает сомнение мысль критика о превосходстве Лаврецкого над Рудиным. Деятельность Лаврецкого лишена того революционного заряда, который так ценен в Рудине. Рудин